

М.Е.
САЛТЫКОВ-ШЕДРИН

СКАЗКИ

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
Добродетели и пороки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=318922

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Добродетели и пороки

* * *

Добродетели с Пороками исстари во вражде были. Пороки жили весело и ловко свои дела обделывали; а Добродетели жили посерее, но зато во всех азбуках и хрестоматиях как пример для подражания приводились. А втихомолку между тем думали: «Вот кабы и нам, подобно Порокам, удалось хорошенькое дельце обделать!» Да, признаться сказать, под шумок и обделывали.

Трудно сказать, с чего у них первоначально распря пошла и кто первый задрал. Кажется, что Добродетели первые начали. Порок#то шустрый был и на выдумки гораздый. Как пошел он, словно конь борзый, пространство ногами забирать, да в парчах, да в шелках по белу свету щеголять – Добродетели#то за ним и не успели. И не поспевши, – огорчились. «Ладно, говорят, щеголяй, нахал, в шелках! Мы и в рубище от

всех почтены будем!» А Пороки им в ответ: «И будьте почтены с богом!»

Не стерпели Добродетели насмешки и стали Пороки на всех перекрестках костить. Выйдут в рубищах на распутие и пристают к прохожим: «Не правда ли, господа честные, что мы вам и в рубище милы?» А прохожие в ответ: «Ишь вас, салопниц, сколько развелось! проходите, не задерживайте! бог подаст!»

Пробовали Добродетели и к городovým за содействием обращаться. «Вы чего смотрите? совсем публику распустили! ведь она, того и гляди, по уши в пороках погрязнет!» Но городové знай себе стоят да Порокам под козырек делают.

Так и остались Добродетели ни при чем, только пригрозили с досады: «Вот погодите! ушлют вас ужо за ваши дела на каторгу!»

А Пороки между тем всё вперед да вперед бегут, да еще и похваляются. «Нашли, говорят, чем стращать – каторгой! Для нас#то еще либо будет каторга, либо нет, а вы с самого рожденья в ней по уши сидите! Ишь, злецы! кости да кожа, а глаза, посмотри, как горят! Щелкают на пирог зубами, а как к нему приступить – не знают!»

Словом сказать, разгоралась распря с каждым днем больше и больше. Сколько раз даже до открытого боя дело доходило, но и тут фортуна почти все-

гда Добродетелям изменяла. Одолеют Пороки и заку-
ют Добродетели в кандалы: «Сидите, злоумышленни-
ки, смиренно!» И сидят, пока начальство не вступится
да на волю не выпустит.

В одну из таких баталий шел мимо Иванушка#Ду-
рачок, остановился и говорит сражающимся:

– Глупые вы, глупые! из#за чего только вы друг дру-
га увечите! ведь первоначально#то вы все одинако-
во свойствами были, а это уж потом, от безалаберно-
сти да от каверзы людской, добродетели да пороки
пошли. Одни свойства понажали, другим вольный ход
дали – колесики#то в машине и поиспортились. И во-
царились на свете смута, свара, скорбь... А вы вот что
сделайте: обратитесь к первоначальному источнику –
может быть, на чем#нибудь и сойдетесь!

Сказал это и пошел путем#дорогой в казначейство
подать вносить.

Подействовали ли на сражающихся Иванушкины
слова, или пороху для продолжения битвы не достало,
только вложили бойцы мечи в ножны и задумались.

Думали, впрочем, больше Добродетели, потому что
у них с голоду животы подвело, а Пороки, как протру-
били трубы отбой, так сейчас же по своим прежним
канальским делам разбрелись и опять на славу зажи-
ли.

– Хорошо ему про «свойства» говорить! – первое

молвило Смиренномудрие, – мы и сами не плоше его эти «свойства» знаем! Да вот одни свойства в бархате щеголяют и на золоте едят, а другие в затрапезе ходят да по целым дням не евши сидят. Иванушке#то с полагоря: он набил мамон мякиной – и прав; а нас ведь на мякине не проведешь – мы знаем, где раки зимуют!

– Да и что за «свойства» такие проявились! – встревожилось Благодичиние, – нет ли тут порухи какой? Всегда были Добродетели и были Пороки, сотни тысяч лет это дело ведется и сотни тысяч томов об этом написано, а он на#тко, сразу решил: «свойства»! Нет, ты попробуй, приступись#ка к этим сотням тысяч томов, так и увидишь, какая от них пыль столбом полетит!

Судили, рядили и наконец рассудили: Благодичиние правду сказало. Сколько тысяч веков Добродетели числились Добродетелями и Пороки – Пороками! Сколько тысяч книг об этом написано, какая масса бумаги и чернил изведена! Добродетели всегда одесную стояли, Пороки – ошую; и вдруг, по дурацкому Иванушкину слову, от всего откажись и назовись какими#то «свойствами»! Ведь это почти то же, что от прав состояния отказаться и «человеком» назваться! Просто#то оно, конечно, просто, да ведь иная простота хуже воровства. Поди#тко проста#то коснись, ан с первого же шага в такое несметное множество капканов попадешь, что и голову там, пожалуй, оставишь!

Нет, о «свойствах» думать нечего, а вот компромисс какой#нибудь сыскать – или, как по#русски зовется, фортель – это, пожалуй, дельно будет. Такой фортель, который и Добродетели бы возвеселил, да и Порокам бы по нраву пришелся. Потому что ведь и Порокам подчас жутко приходится. Вот наемднись Любострастие с поличным в бане поймали, протокол составили да в ту же ночь Прелюбодеяние в одном белье с лестницы спустили. Вольномыслие#то давно ли пышным цветом цвело, а теперь его с корнем вырвали! Стало быть, и Порокам на фортель пойти небезвыгодно. Милостивые государи! милостивые государыни! не угодно ли кому предложить: у кого на примете «средствице» есть?

На вызов этот прежде всех выступил древний старичок, Опытом называемый (есть два Опыта: один порочный, а другой добродетельный; так этот – добродетельный был). И предложил он штуку: «Отыщите, говорит, такое сокровище, которое и Добродетели бы уважило, да и от Пороков было бы не прочь. И пошлите его парламентаром во вражеский лагерь».

Стали искать и, разумеется, нашли. Нашли двух бобылок: Умеренность и Аккуратность. Обе на задворках в добродетельских селениях жили, сиротский надел держали, но торговали корчемным вином и поти-

хоньку Пороки у себя принимали.

Однако первый блин вышел комом. Бобылки были и мало представительны, и слишком податливы, чтоб выполнить возложенную на них задачу. Едва появились они в лагере Пороков, едва начали канитель разводиться: «Помаленьку#то покойнее, а потихоньку – вернее», как Пороки всем скопищем загалдели:

– Слыхали мы ста прибаутки#то эти! давно вы с нами около нас похаживаете, да не в коня корм! Уходите с богом, бобылки, не проедайтесь!

И как бы для того, чтобы доказать Добродетелям, что их на кривой не объедешь, на всю ночь закатились в трактир «Самарканд», а под утро, расходясь оттуда, поймали Воздержание и Непрелюбосотворение и поступили с ними до такой степени низко, что даже татары из «Самарканда» дивились: хорошие господа, а что делают!

Поняли тогда Добродетели, что дело это серьезное и надо за него настоящим манером взяться.

Произошло между ними в ту пору существо среднего рода: ни рак, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалер, а всего помаленьку. Произошло, выровнялось и расцвело. И было этому межеумку имя тоже среднего рода: Л и ц е м е р и е...

Все в этом существе было загадкой, начиная с происхождения. Сказывали старожилы, что однажды

Смирение с Любострастием в темном коридоре спознались, и от этого произошел плод. Плод этот Добродетели сообща выкормили и выпоили, а потом и в пансион к француженке Комильфо отдали. Догадку эту подтверждал и наружный вид Лицемерия, потому что хотя оно ходило не иначе, как с опущенными долу глазами, но прозорливцы не раз примечали, что по лицу его частенько пробегают любострастные тени, а поясница, при случае, даже очень нехорошо вздрагивает. Несомненно, что в этом наружном двоегласии в значительной мере был виноват пансион Комильфо. Там Лицемерие всем главным наукам выучилось: и «как по струнке ходить», и «как водой не замутить», и «как без мыла в душу влезть»; словом сказать, всему, что добродетельное житие обеспечивает. Но в то же время оно не избегло и влияния канкана, которым и стены, и воздух пансиона были пропитаны. Но, кроме того, мадам Комильфо еще и тем подгадила, что сообщила Лицемерию подробности об его родителях. Об отце (Любострастии) сознавалась, что он был мовефон и дерзкий – ко всем щипаться лез! Об матери (Смирении) – что она хотя не имела блестящей наружности, но так мило вскрикивала, когда ее щипали, что даже и не расположенные к щипанию Пороки (каковы Мздоимство, Любоначалие, Уныние и проч.) – и они не могли отказать себе в этом удовольствии.

Вот это#то среднее существо, глаза долу опускающее, но и из#под закрытых век блудливо окрест высматривающее, и выбрали Добродетели, чтоб войти в переговоры с Пороками и такой общий *modus vivendi* изобрести, при котором и тем и другим было бы жить вольготно.

– Да ты по нашему#то умеешь ли? – вздумало было предварительно проэкзаменовать его Галантерейное Обращение.

– Я#то? – изумилось Лицемерие, – да я вот как...

И не успели Добродетели опомниться, как у Лицемерия уж и глазки опущены, и руки на груди сложены, и румянец на щеках играет... девица, да и шабаш!

– Ишь, дошлая! ну, а по#ихнему, по#порочному... как?

Но Лицемерие даже не ответило на этот вопрос. В один момент оно учинило нечто, ни для кого явственно не видимое, но до такой степени достоверное, что Прозорливство только сплунуло: «Тьфу!»

И затем все одинаково решили: написать у нотариуса Бизяева общую доверенность для хождения по всем добродетельским делам и вручить ее Лицемерию.

Взялся за гуж, не говори, что не дюж: как ни горько, а пришлось у Пороков пARDону просить. Идет Лицемерие в ихний подлый вертеп и от стыда не знает, куда

глаза девать. «Везде#то нынче это паскудство разве-
лось! – жалуется оно вслух, а мысленно прибавляет: –
Ах, хорошо Пороки живут!» И точно, не успело Лице-
мерие с версту от добродетельской резиденции отой-
ти, как уж со всех сторон на него разлитым морем
пахнуло. Смехи, да пляски, да игры – стон от веселья
стоит. И город какой отменный Пороки для себя вы-
строили: просторный, светлый, с улицами и переулками,
с площадями и бульварами. Вот улица Лжесвиде-
тельства, вот площадь Предательства, а вот и Срам-
ной бульвар. Сам Отец Лжи тут сидел и из лавочки
клеветой распивочно и навывнос торговал.

Но как ни весело жили Пороки, как ни опытни они
были во всяких канальских делах, а увидевши Лице-
мерие, и они ахнули. С виду – ни дать, ни взять, су-
щая девица; но точно ли сущая – этого и сам черт не
разберет. Даже Отец Лжи, который думал, что нет в
мире той подлости, которой бы он не произошел, – и
тот глаза вытаращил.

– Ну, – говорит, – это я об себе напрасно мечтал,
будто вреднее меня на свете никого нет. Я – что! вот
он, настоящий#то яд, где! Я больше нахалом норовлю
– оттого меня хоть и не часто, а все#таки от времени
до времени с лестницы в три шеи спускают; а это со-
кровище, коли прильнет, – от него уж не отвертишься!
Так тебя опутает, так окружит, что покуда все соки не

вызудит – не выпустит!

Тем не менее, как ни велик был энтузиазм, возбужденный Лицемерием, однако и тут без розни не обошлось. Пороки солидные (аборигены), паче всего дорожившие преданиями старины, как, например. Суемудрие, Пустомыслие, Гордость, Человеконенавистничество и проч., – не только сами не пошли навстречу Лицемерию, но и других остерегали.

– Истинный порок не нуждается в прикрытии, – говорили они, – но сам свое знамя высоко и грозно держит. Что существенно нового может открыть нам Лицемерие, чего бы мы от начала веков не знали и не практиковали? – Положительно ничего. Напротив, оно научит нас опасным изворотам и заставит нас ежели не прямо стыдиться самих себя, то, во всяком случае, показывать вид, что мы стыдимся. *Caveant consules!* До сих пор у нас было достаточно твердых и верных последователей, но ведь они, видя наши извороты, могут сказать: «Должно быть, и впрямь Порокам туго пришлось, коль скоро они сами от себя отрицаться должны!» И отвернутся от нас, вот увидите – отвернутся.

Так говорили заматерелые Пороки#Катоны, не признававшие ни новых веяний, ни обольщений, ни обстановок. Родившись в навозе, они предпочитали задохнуться в нем, лишь бы не отступить от старооте-

ческих преданий.

За ними шла другая категория Пороков, которые тоже не выказали особенного энтузиазма при встрече с Лицемерием, но не потому, однако, чтобы последнее претило им, а потому, что они уже и без посредства Лицемерия состояли в секретных отношениях с Добродетелями. Сюда принадлежали: Измена, Вероломство, Предательство, Наушничество, Ябеда и проч. Они не разразились кликами торжества, не рукоплескали, не предлагали здравиц, а только подмигнули глазом: милости просим!

Как бы то ни было, но торжество Лицемерия было обеспечено. Молодежь, в лице Прелюбодеяния, Пьянства, Объедения, Распутства, Мордобития и проч., сразу созвала сходку и встретила парламентаря такими овациями, что Суемудрие тут же нашлось вынужденным прекратить свою воркотню навсегда.

– Вы только мутите всех, старые пакостники! – кричала старикам молодежь. – Мы жить хотим, а вы уныние наводите! Мы в хрестоматию попадем (это в особенности льстило), в салонах блистать будем! нас старушки будут любить!

Словом сказать, почва для соглашения была сразу найдена, так что когда Лицемерие, возвратившись во свояси, отдало Добродетелям отчет о своей миссии, то было единогласно признано, что всякий повод для

существования Добродетелей и Пороков, как отдельных и враждебных друг другу групп, устранен навсегда. Тем не менее старую номенклатуру упразднить не решались – почему знать, может быть, и опять понадобится? – но положили употреблять ее с таким расчетом, чтобы всем было видимо, что она прикрывает собой один только прах.

С тех пор пошло между Добродетелями и Пороками гостеприимстве великое. Захочет Распутство побывать в гостях у Воздержания, возьмет под ручку Лицемерие, – и Воздержание уже издали, завидев их, приветствует:

– Милости просим! покорно прошу! У нас про вас...

И наоборот. Захочет Воздержание у Распутства постненьким полакомиться, возьмет под ручку Лицемерие, а у Распутства уж и двери все настезь:

– Милости просим! покорно прошу! У нас про вас...

В постные дни постненьким потчуют, в скоромные – скоромненьким. Одной рукой крестное знамение творят, другой – неистовствуют. Одно око горе возводят, другим – непрестанно вождедеют. Впервые Добродетели сладости познали, да и Пороки не остались в убытке. Напротив, всем и каждому говорят: «Никогда у нас таких лакомств не бывало, какими теперь походя жуируем!»

А Иванушка#Дурачок и о сию пору не может понять:

отчего Добродетели и Пороки так охотно помирились на Лицемерии, тогда как гораздо естественнее было бы сойтись на том, что и те, и другие суть «свойства» – только и всего.